

М.С. ИНКИЖЕКОВА, Е.В. ПЕНИОНЖЕК

МЕТАМОРФОЗЫ МИФОЛОГИЧЕСКОГО В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

Мария Сергеевна Инкижекова,

Уральский юридический институт Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
кафедра общей психологии, гуманитарных
и социальных дисциплин,
профессор,
Корепина ул., д. 66, Екатеринбург, 620057, Россия
доктор философских наук, доцент
E-mail: masha_ink@mail.ru

Евгения Владимировна Пенионжек,

Уральский юридический институт Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
кафедра общей психологии, гуманитарных
и социальных дисциплин,
начальник кафедры,
Корепина ул., д. 66, Екатеринбург, 620057, Россия
кандидат философских наук, доцент
E-mail: penionzhec@yandex.ru

Реферат. *Анализируя онтологические проблемы этноса, авторы обращаются к теме мифа и мифотворческих практик. Миф — изменчивый феномен. Трансформации этнического сознания и культурных практик во многом связаны с данным явлением. Отмечается, что в переломные моменты истории этническое сознание, стимулируя процесс культурных преобразований, конструирует оригинальный мир мифопредставлений, поддерживающий стратегию выживания и саморазвития этноса в контексте социокультурных потрясений. Миф, играя важную роль в процессах адаптации этноса к новым, порой травмирующим этническое сознание, историческим событиям, позволяет сохранить чувство этнокультурной идентичности. Обращается внимание на соотношение рационального и иррационально-спонтанного в сознании этноса. Показано, как на основе этнографического материала можно обнаружить и раскрыть механизмы*

трансформаций мифа. На примере хакасов представлены особенности мифотворческих практик, активизирующихся в условиях кризиса. Отмечается, что социокультурные потрясения, актуализируя историческую память, направляют этническое сознание к переосмыслению истории — реальной и/или мифологизированной, что позволяет решить задачу социокультурной мобилизации и консолидации этноса. Изучение механизмов мифотворческих практик дает возможность дальнейшей плодотворной разработки теории мифа.

Ключевые слова: этническое сознание, социокультурный кризис, адаптация, миф, мифо-ритуальные практики.

Для цитирования: Инкижекова М.С., Пенионжек Е.В. Метаморфозы мифологического в контексте социально-исторических перемен // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13, № 3. С. 269–273.

Онтологические характеристики этноса — особенности этнического сознания и культура — во многом определяются историческим контекстом. Известно, что этнос через трансформацию культурных практик адаптируется к внешнему окружению (природному и социокультурному); одновременно с этим своеобразным образом происходит и «приспособление» внешней реальности к нуждам и потребностям этнического сообщества, благодаря метаморфозам этнического сознания. Действительно, адаптация этноса осуществляется двояким образом: трансформируя культурные формы и практики, позволяющие выжить в переломные моменты истории, этническое сознание, стимулируя процесс культурных изменений, конструирует картину мира, поддерживающую стратегию выживания и саморазвития этноса в условиях социокультурных потрясений. Анализ метаморфоз этнического и

мифологического сознания, разворачивающихся на фоне разнообразных исторических событий, позволяет глубоко осмыслить онтологические проблемы этноса, дать современное истолкование этим явлениям.

При изучении мифа и его отражения в этническом сознании следует обратиться к анализу культурных практик хакасов. Хакасы как сконструированный в советскую эпоху этнос имеет оригинальную и вместе с тем типичную для многих российских этносов Сибири историю. Переломными и судьбоносными для этнического сознания хакасов можно назвать следующие исторические события:

♦ 1727 г. — между Россией и Китаем подписан «пограничный трактат», согласно которому территория юго-западной части Восточной Сибири (где сегодня расположена Республика Хакасия) с проживающим на ней населением вошла в состав Российской империи;

♦ 1917 г. — после Октябрьской революции образована Хакасская автономная область в составе Красноярского края; именно тогда коренное население юга Енисейской губернии, представленное несколькими субэтническими группами (хызыл, хаас, хойбал, сагай), принимает решение о принятии в качестве общего самоназвания этноним «хакасы»; насколько добровольным было это решение, можно судить по историческому контексту, несомненно, решение было продиктовано политическими условиями;

♦ 1991 г. — распад СССР, в результате которого бывшие союзные республики трансформировались в независимые государства, а в Российской Федерации обозначился подъем национального самосознания и всплеск этнической идентичности.

Указанные поворотные моменты истории нашли отражение как в этническом самосознании, так и метаморфозах мифологических представлений хакасов.

В XVIII в., после присоединения к России, когда начался процесс христианизации «енисейских кыргызов» православными миссионерами, коренное население юго-западной части Восточной Сибири оказалось под влиянием не только «новой» культуры и религиозной картины мира, но и усиливающейся компрессии доминирующего в государстве русского этноса.

Распад традиционной мировоззренческой картины мира и неопределенность будущего привели к состоянию кризиса. Как известно, кризисы становятся предметом непосредственных переживаний, находят отражение подчас в неосознаваемых людьми пессимистических настроениях. Отметим, что этнос, как и человек, может переживать психологические травмы, полученные в результате общения с другим(-и) этносом(-ами). Как следствие

в ситуации кризиса начинают действовать общие психологические «механизмы» — защитные и/или компенсаторные.

Одним из механизмов выступает «регрессия», что связано с возвратом к предшествующему состоянию общества. В таких условиях, стремясь противостоять «размыванию» традиционных ценностей, люди подчеркнуто актуализируют на основе солидарных действий «свои», самобытные культурные (в том числе мифо-ритуальные) практики, возрождают образы-символы героев «своей» истории, поддерживая историческую и культурную память.

Известно, что формирование и функционирование этноса связано с этнодифференцирующими и этноинтегрирующими особенностями этнического сознания. Если этнодифференцирующая сторона сознания строится на основе обособления и дифференциации от других этносов («мы» — «они», «свои» — «чужие»), то этноинтегрирующая — на чувстве солидарности и сплоченности. Мифология этносов и этнических отношений развивается именно в русле этих двух взаимосвязанных тенденций.

Мифологическое, актуализируя архетипические пласты культуры, становится в данном случае действенным инструментом сохранения идентичности. Именно поэтому христианизация хакасов в XVIII–XIX вв. не привела к замене язычества теизмом. Более того, наиболее живучими оказывались мифо-ритуальные практики, связанные с поклонением духам Среднего мира, олицетворяющим природные стихии (горы, воду, огонь и пр.). Так, несмотря на христианизацию, хакасы продолжали совершать коллективные моления Небу и поддерживали обрядовые практики поклонения священным родовым деревьям. Обряды эти, как правило, совершались на горной вершине. И здесь можно предположить, что связано это не только с тем, что в ландшафте Хакасии горы занимают значительное место, но и с сохранившимися реликтами автохтонных представлений о Мировой Горе как Центре мироздания.

Одним из феноменов религиозного синкретизма шаманизма и христианства стала новая культовая практика, получившая в современной науке название «бурханизм». На основе веры в единого Бога-Творца (хакас. *Ах Худай*) в структуре обрядовых комплексов стабильно сохраняются элементы, которые сложились в предшествующие этапы истории этноса, а именно: жертвоприношения в форме заклания ягненка (барана); тройной обход по движению солнца (хакас. *кунгер*) вокруг священного дерева (березы) с подвязыванием на ветки дерева ленточек (хакас. *чаламаа*) — с просьбами о благополучии семьи и рода; «кормление» духов едой посредством жертвенного огня.

В качестве примера приведем отрывок из мифологического предания, зафиксированного на рубеже XIX—XX вв. известным российским ученым-тюркологом, профессором Императорского Казанского университета и Казанской духовной академии, доктором сравнительного языкознания, этнографом, фольклористом, первым хакасским ученым Н.Ф. Катановым.

Данный текст в переводе с хакасского языка на русский представлен так: «Были у людей предки Адам и Авраам. У него [Авраама] был один только родной сын, которого дал ему Бог. После спустилась к нему [с неба] бумага: “Пусть не пожалеет он единственного своего сына! Пусть он приведет его на высочайшую из гор! Нам он [сын] — нужен как жертва! Пусть он [отец]... положит сына на спину и несет на вершину горы, у Белой Березы распорет ему брюхо!” Он [отец] так и поступил, и повел сына на вершину горы, говоря: “Да, дал Бог! Зачем же жалеть?”. Он приготовился как следует, и хочет уже ножом распороть ему брюхо. В то же мгновение отбросило руку его в сторону. Когда он посмотрел, сына его не оказалось... возле него стоит белый ягненок. Посмотрел еще дальше, лежит бумага. Осмотрел он бумагу и прочитал ее. [В ней значилось:] “Да, мы ниспослали эту бумагу с той целью, чтобы узнать, пожалеет ли он своего сына или не пожалеет!”» [1, с. 51]. Далее в бумаге был предписан обряд, который дал людям Бог Худай: «Пусть сделают стол на вершине горы, вбив его в землю! Согнув правую [переднюю] ногу барана и три раза кропя белое молоко, пусть обходят [березу], ведя за собой белого холощенного барана! Потом, положив его на спину и, не закалывая, распорют ему брюхо! Положив его в котел, пусть варят, а сваривши, положат на стол! Потом, поднявши этот стол, пусть обносят его трижды вокруг стоящей Березы вместе со сваренным бараном! Потом выберут человека, который благословит это, и привяжут к ветке Белой Березы белый и синий лоскуты!» [1, с. 51–52].

Теперь рассмотрим мифологический сюжет, представленный в работе современного ученого В.Я. Бутанаева, который, предвосхищая сохранившееся предание, отмечает, что коллективные моления с жертвоприношениями Небу проводились ежегодно в долинах рек Енисей, Абакан, Чулым, Черный Июс и Белый Июс. Такие культовые практики связаны с почитанием мифического предка хакасов по имени Борус (хакас. *Хан-Пурзус*). Согласно преданиям, он — единственный, кто спасся во время Всемирного потопа, и окаменевший ковчег, благодаря которому он выжил, до сих пор покоится на вершине горы, носящей его имя.

По древней легенде, у Боруса был единственный сын по имени Хылай. Однажды к Борусу явился Владыка Нижнего мира Ирлик Хан, который стал внушать: «В честь спасения от Всемирного потопа принеси в жертву Ах-Худай своего единственного сына. Взойди на высокую гору, привяжи там к березе отпрыска, распори ему грудь, вырви его сердце и сожги в огне». Борус поддался внушению и подумал: «Ах-Худай дал мне сына. Так пусть же он его и заберет!». Затем он поднял Хылая на высокую гору, где привязал его к березе. Ах-Худай заметил деяния Боруса и срочно отправил к нему своего бурхана (посланника). В тот момент, когда Борус замахнулся ножом, чтобы вспороть грудь сыну, бурхан схватил его за руку со словами: «Борус, твои помыслы чи-

Мифологическое, актуализируя архетипические пласты культуры, становится действенным инструментом сохранения идентичности.

сты. Но не впадай в безумие! Ирлик-хан обманул тебя. Великий Ах-Худай не просил детей в жертву. Пусть сыновья станут наследниками своих родителей. Для жертвы Ах-Худай приносите белого годовалого ягненка. Вспоров грудь, разрывайте аорту и горячим мясным паром ежегодно кормите Великое Небо!». Борус опомнился и отпустил сына. Вместо него он поднял на эту гору белого ягненка с черной головой, которого забил соответствующим образом. На деревянном корытце он поднял вверх горячее мясо жертвы, пар от которого за клубился в небеса. С тех пор в Хонгорае (название Хакасии в концепции Бутанаева. — М.И., Е.П.) совершается Небесное жертвоприношение или Божье жертвоприношение — «Ах-Худай тайии» [2, с. 53].

Изложенный материал позволяет исследователю увидеть эволюцию этнического и трансформацию мифологического сознания, отраженных в мифоритуальных практиках хакасов.

После распада Советского Союза, когда с новой силой обострилась проблема этнической идентичности, мифологическое также оказалось не выключенным из жизни этноса, потому что стало активно использоваться элитой при конструировании этнического самосознания уже в условиях современных социокультурных трансформаций.

Разберем один из примеров мифотворческих практик, направленных на актуализацию этнического самосознания в 1990-х годах. Именно в это время частью хакасской элиты предпринимаются

попытки возродить, наряду с шаманизмом, культово-обрядовые практики, известные по концепции В.Я. Бутанаева как *Ах Чаян* (букв. Белая вера). Основными постулатами названных практик являются: вера в Великого Белого Бога-Творца (хакас. *Ах-Худай*), покровительствующего тюркам Саяно-Алтая; ожидание мифического конца света в виде огненного всемирного пожара (хакас. *оттыг халап*); приход в последний день мира (хакас. *тугенчи чыл*) мессии Хоорай-хана, благодаря которому спасутся славные потомки Хонгорая [2].

Необходимо отметить, что инициирование современных мифотворческих практик связано, как правило, с деятельностью интеллектуальных элит, которые знают, что мифологическое прочно укоренено в структуре этнического сознания, так как имеет глубокие исторические корни. А потому опора на мифологическое в социальном конструировании этнической идентичности сегодня вполне может опираться на древние мифо-символические представления. В результате обновленный архаический миф приобретает новые смыслы, позволяющие оказывать влияние на общественное сознание, а в некоторых случаях манипулировать им, «обосновывая» требования тех или иных политических сил на культурную территорию [3, с. 16].

В связи с этим вновь обратимся к позиции конструктивизма в этнологии, согласно которой идентичность суть конструируемый феномен. Решающую роль играют культурные границы, которые предстают не как первичная характеристика этнических групп, но «результат и даже смысл существования этнической группы» [4, с. 262]. Как следствие «идентичность конструируется, как правило, на иллюзорной основе, хотя и имеет некоторые реальные основания» [4, с. 261].

В условиях, когда этнокультурное сознание находится под прессингом диффузий инновационной постмодернистской культуры и полностью демонтируется культурный код этнокультур, элита, стремясь поддержать и сохранить этническую идентичность, использует возможности мифа по конструированию будущей реальности, тем самым встает на путь мифотворчества. Интерпретируя по-своему сверхвременные сюжеты мифа и приводя их в соответствие с современным сознанием, мифологическое в руках элит становится инструментом культурно-исторического программирования и «как способ и форма коллективного мировоззрения миф интерпретирует, более того, трансформирует видимую историю в контексте своей программы» [5, с. 23].

Мифологическое не исчезает из многообразия духовно-практической сферы жизнедеятель-

ности этноса, но трансформируется, соответствуя «духу» и культурному опыту эпохи, сохраняя при этом свои формальные характеристики — таинственность, символизм, игровую природу [6, с. 128]. Как справедливо отмечает Е.Л. Яковлева, «в каждой культурно-исторической эпохе можно обнаружить существование одного или нескольких значимых мифов, которые определяют мировоззренческие ориентиры и ценностные установки» [6, с. 130]. Вот и сегодня мифологическое оказывает сильнейшее влияние на идентификационные процессы. В то же время следует отметить, что живучесть мифологического предопределена не только особенностями этнического сознания, но и природой самого мифа. По мнению М.К. Мамардашвили, миф есть память, «память о том, чего не было и нет; память в смысле машины, которая организует саму способность человека помнить» [7, с. 30].

Культура и этническое сознание, пронизанные мифологическими структурами, представляют исследователю новые источники в изучении адаптации этносов к кризисным условиям исторических трансформаций. Если дифференцировать сознание верхов и низов, то становится очевидным: деятельность элит более рациональна, чем масс. И если раньше этническое сознание произвольно и неосознанно занималось мифотворчеством, то сегодня в мифотворческих практиках несомненно влияние элит.

Список источников

1. Катанов Н.Ф. Ызых чир = Земля священная. Абакан : Роса, 1997. 60 с.
2. Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2003. 260 с.
3. Воронова Н.И. Особенности этнонационального мифотворчества в культуре современной России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. № 2 (19). С. 15–22.
4. Гуревич П.С., Спирина Э.М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. Москва : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. 368 с.
5. Зимин А.И., Зуйков В.С., Мишарина И.К., Цветкова Г.А. Очерки истории русского культурно-исторического и национального самосознания. Тольятти, 2005. 338 с.
6. Яковлева Е.Л. Вечность мифа как символической формы культуры // Обсерватория культуры. 2011. № 3. С. 128–133.
7. Мамардашвили М.К. Философские чтения. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2002. 832 с.

MYTHOLOGICAL METAMORPHOSES IN THE CONTEXT OF SOCIO-HISTORICAL CHANGES

MARIA S. INKIZHEKOVA*,
EVGENIYA V. PENIONZHEK**

Ural Juridical Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 66 Korepina St., Yekaterinburg, 620057, Russia

E-mail: *masha_ink@mail.ru, **penionzhec@yandex.ru

Abstract. *Analyzing ontological issues of an ethnicity, the authors examine the topic of myth and myth-making practices. A myth in itself is a changing phenomenon. The transformations of ethnic consciousness and cultural practices are largely related to this phenomenon. The authors note that at turning points of the history, ethnic consciousness, stimulating the process of cultural transformation, constructs an original world of the mythical notion that will support the ethnos' survival and self-development strategy in the context of the social and cultural upheaval. Playing an important role in the processes of ethnos' adaptation to the new, sometimes traumatic for the ethnic consciousness, historical events, the myth allows to retain the sense of ethno-cultural identity. Paying close attention to the proportion of rational and irrational-spontaneous in the ethnic consciousness, the authors show how, on the basis of ethnographic material, it is possible to discover and reveal the myth's mechanisms of transformations. So, by the example of the people of Khakassia, the article shows the characteristics of the myth-making practices activated in critical conditions. The authors note that, while updating the historical memory, the social and cultural upheavals steer the ethnic consciousness to reconsideration of the history – real and/or mythological. This helps to solve the problem of socio-cultural mobilization and consoli-*

ation of the ethnic group. The study of the myth-making practices' mechanisms permits the further fruitful development of the theory of myth.

Key words: ethnic consciousness, socio-cultural crisis, adaptation, myth, myth-ritual practices.

Citation: Inkizhekova M.S., Penionzhek E.V. Mythological Metamorphoses in the Context of Socio-Historical Changes, *Observatory of Culture*, 2016, vol. 13, no. 3, pp. 269–273.

References

1. Katanov N.F. *Yzykh chir = Zemlya svyashchennaya* [Yzh Chir = Holy Land]. Abakan, Rosa Publ., 1997, 60 p.
2. Butanaev V.Y. *Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya* [Burkhanism of Sayano-Altai Turks]. Abakan, Khakass State University Publ., 2003, 260 p.
3. Voronova N.I. Osobennosti etnonatsional'nogo mifotvorchestva v kul'ture sovremennoi Rossii [Features of Ethno-national Myths in the Culture of Modern Russia], *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2006, no. 2(19), pp. 15–22.
4. Gurevich P.S., Spirova E.M. *Identichnost' kak sotsial'nyi i antropologicheskii Fenomen* [Identity as a Social and Anthropological Phenomenon]. Moscow, Kanon+ ROOI Reabilitatsia Publ., 2015, 368 p.
5. Zimin A.I., Zuikov V.S., Misharina K.I., Tsvetkova G.A. *Ocherki istorii russkogo kul'turno-istoricheskogo i natsional'nogo samosoznaniya*. [Essays on the History of Russian Cultural-Historical and National Identity]. Togliatti, 2005, 338 p.
6. Yakovleva E.L. Vechnost' mifa kak simbolicheskoi formy kul'tury [Eternity of a myth as a Symbolic Form of Culture], *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2011, no. 3, pp. 128–133.
7. Mamardashvili M.K. *Filosofskie chteniya* [The Philosophical Readings]. St. Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., 2002, 832 p.